

Обеспечение устойчивости демократического строя

Вчера мы здесь слушали интересные выступления о политических идеологиях*, но, слава Богу, обсуждение шло не в малопродуктивных категориях "социализм" и "капитализм", а в основном в парадигме противоположности между либерально-демократическими и авторитарными или тоталитарными направлениями. При этом понятие "устойчивое развитие" вчерашними докладчиками не рассматривалось. Сегодня, наоборот, высказано много интересных суждений об устойчивом развитии, но мало соответствующей ему идеологии (кроме замечания, что она, наверно, невозможна). Вчера тоже высказывались сомнения в том, что идеология возможна и нужна. Это, конечно, большая самонадеянность со стороны одного человека — предложить какую-то идею в качестве общенациональной. Но я оправдываю себя тем, что предлагаю это не я один: мне кажется, все ее пытаются сформулировать здесь. На мой взгляд, идея устойчивого развития как антипода скачкообразному, революционному приемлема для любого россиянина. "Устойчивое развитие" не в том лишь принятом в мире смысле, о котором мы говорим сегодня, т.е. устойчивое, с точки зрения отношений между материальным производством и природой, но устойчивое в более широком смысле — как все общественное развитие. Эта идея приходит к нам от противного. Ведь в начале этого столетия только за 12 лет в России было три революции. Потом скачок к военному коммунизму, а через два с половиной года — к нэпу. Потом, по социальным последствиям тяжелее всех революций, — коллективизация и скачкообразная индустриализация, не говоря о войнах — мировых и гражданских. Поиски общей идеологии вчера и обсуждение проблем устойчивого развития сегодня, по-моему, просятся, чтобы их сложили вместе, как два кубика.

С точки зрения этой общей установки, можно попытаться определить все необходимые условия развития страны: социально-экономические, политические, культурные. Очевидно, что экономика должна быть рыночной — это наиболее способствует планомерности в общенациональном масштабе, а потому и устойчивости. Я согласен с высказанным вчера тезисом, что либеральные силы противостоят в первую очередь хаосу. В частности, в экономике рыночная система в наибольшей степени противостоит диспропорциям. Это можно доказать, даже совершенно не отступая от марксистских представлений, поскольку планомерность, по Ленину, — это сознательно и постоянно поддерживаемая пропорциональность, а вовсе не развитие под руководством одного бюрократического Центра. Дело не в том, кто и как пишет на бумаге, а в том, каково реальное развитие. Наша так называемая плановая экономика отличалась наибольшими диспропорциями. Там просто не было механизма установления пропорциональности, а существовал механизм, создававший постоянные диспропорции.

* См. материалы специальной сессии в Приложении.

Далее, это должна быть не рыночная экономика вообще, а конкурентный, немонополистический рынок. Сейчас мы создали монополистическую рыночную систему, т.е. сделали шаг вперед по сравнению с планово-распределительной системой, но шаг совершенно недостаточный. Нам, конечно, нужна рыночная система с конкурентной структурой. И наконец, это должна быть социально-ориентированная рыночная экономика. Сегодня это предмет политических спекуляций, главным образом, со стороны левых партий — коммунистических или, точнее сказать, прокоммунистических. В реальной политике, как ни парадоксально, именно эти партии — коммунистов, аграриев, — судя по их парламентским фракциям, меньше всего преследуют социальные цели. Если взять центральный вопрос, который обсуждается в парламенте, а именно вопрос о бюджете, о дележе пирога, то это, конечно, лоббистские фракции. Они отстаивают интересы военно-промышленного комплекса и агропромышленной бюрократии, а не оставляют ничего именно на социальные цели. Напротив, партии, отстаивающие либеральные ценности, в большей мере преследуют социальные цели. Это один из многих парадоксов не только нашего переходного, но и прошлого социалистического общества. Это ведь в нашем, еще недавно "социалистическом", государстве 99 человек из 100 не скажут вам, что такое социальная работа и социальный работник. В развитых капиталистических странах об этом знает все население.

Далее, для устойчивого развития нужно демократическое государство. В идеале, мне кажется, это должна быть парламентская республика, но после событий последних лет я говорю о ней уже с некоторым сомнением. Хотя в принципе я все еще предпочитаю республику президентству, но ничто не позволяет надеяться, что парламентская демократия способна обеспечить управляемость и стабильность. На декабрьских выборах прошлого года население смогло проголосовать по партийным спискам за партию Жириновского (с перевесом против партии Гайдара в полтора раза), а по мажоритарным спискам — за партию Гайдара (с перевесом против партии Жириновского в шесть раз). Совершенно очевидно, что люди просто плохо понимали, за что и за кого голосуют. Ну, предположим, тогда была сумятица, первые выборы после стрельбы октября прошлого года, но выборы в Мытищинском округе, где прошел Мавроди? Из 409 тысяч избирателей явились всего 155 тыс. А за кандидата, собравшего наибольшее число голосов, проголосовало 40 тыс. — т.е. менее 10%. Подавляющее большинство избирателей (и я думаю, как раз наиболее грамотное и политически ориентированное) не пришло голосовать вообще. Чем грамотнее, разумнее, интеллигентнее человек, тем больше ему свойственно колебаться, а когда он колеблется, то вообще не идет голосовать. Наиболее уверенно голосует тот, кто как раз меньше всего понимает.

Важнейшим элементом системы устойчивого развития общества, который катастрофически недооценен сейчас, должна быть школа. Причем прежде всего как система образования человека, а не только подготовки кадров. В СССР была школа подготовки кадров — сейчас уже здесь произошли изменения, — но все-таки эта традиция остается преобладающей. И конечно, школа должна обес-

печить совершенно другой социальный статус учителя. Последнее, что я хотел бы отметить (хотя сознаю, что не все еще назвал): для России, именно для наших условий, устойчивое развитие, конечно, предполагает демократические формы реинтеграции бывшего Союза. Потому что наш еще не вполне, но уже в значительной степени сложившийся за века суперэтнос не потерпит нынешнего разорванного положения не только по экономическим, военным и политическим, но и по просто человеческим причинам, не потерпит разрыва такого живого эмоционального организма на части. Выражением этой гипотезы я и позволю себе ограничиться.